

ПОЭЗИЯ —

ИСТОЧНИК МУЗЫКИ

НАШ СОБЕСЕДНИК — ПОЛЬСКИЙ ПЕВЕЦ И КОМПОЗИТОР Чеслав НЕМЕН

Шел концерт, и певец пел, аккомпанируя себе на электрооргане. И аккомпанемент сливался не с голосом, порой опережая его или немного пропуская вперед, — аккомпанемент сливался с сердцем, был его многократным усилителем. Медленно скользил по сцене луч софита, выхватывая из тьмы инструменты, гитаристов и ударника. Высвечивая фон, оставляя в тени певца. А он бесшумно передвигался в своем углу — между органом и синтезатором — вероятно, предполагая необходимость своего присутствия. Ведь в зале звучал голос и звучал орган. Звучало сердце. Но он был — певец в полутьме сцены, и печально и вопрошающе смотрели в лицо залу глаза...

А потом — наш разговор. И опять неулыбчиво грустными были глаза. И не было сумбурной жестикуляции. И бравого тона. И мишурного сияния, которое так часто сопутствует «звездам», тоже не было.

Наверное, все же эта спокойная естественность шла от природы характера, а не от того, что Чеслав Немен решил:

— Я собираюсь уйти с эстрады.

— Уйти? В зените славы?

— О славе не будем. Слишком растяжимо это понятие. С одной стороны. А с другой — чересчур конкретное, чтобы оно могло влиять на какие-то решения.

— Пусть так. Но уйти, сформировав вкус своего слушателя? В пору, когда пусть преданная, но большей частью слепая любовь публики переросла в понимание? Добившись гармоничной созвучности сцены и зала?

— Вы же сами говорите о том, что главное уже сделано. Значит, можно уходить.

— Подарив миллионм удивительного польского поэта?

— И подарив, и оставив себе. На всю жизнь. Он — любовь особая.

— Как она пришла к вам?

— Поэзию я любил с детства, но никогда не думал, что ее возможно связать с музыкой, сделать песнями, балладами. Мне всегда казалось, что хорошие стихи достаточно читать. Но наступил в жизни момент, когда именно поэзия стала основным источником музыки, которую я пишу до сих пор. Началось это в тот день, когда я открыл для себя умного и печального поэта XIX века Циприана Норвида, в свое время забытого, непонятого. Поэта, который был большим философом, гуманистом, патриотом своей земли, своего народа. Он не получил признания при жизни, не сразу приняли его и потомки. Но Норвид был прозорлив. Он писал: «Поздний внук придет с почтением...».

— В какой-то степени этим «внуком» были вы?

— Пожалуй. Если это прозвучит не совсем нескромно. Но только лишь в какой-то степени. Я рад, что его имя стало известным в Польше, что теперь вышло уже второе издание его полного, одиннадцатитомного собрания сочинений. Рад, что его имя стало известно и всему миру — ведь поэзия Норвида, как и всякая великая поэзия, не имеет национальных границ. Но, мне кажется, пройдет еще очень много времени, прежде чем будет понята вся ее философская глубина. Человечество еще не изжило всех пороков, и слишком много еще в нашем бытии корыстолюбия, чтобы понимать жизнь так, как понимал ее Норвид.

— Вам повезло больше, чем Норвиду: признание пришло довольно быстро, хотя вначале Немена тоже считали чрезмерно сложным и не совсем понятным.

— Со временем трудно спорить, особенно когда оно только рождается, и нет еще четких его черт, а заметны лишь приметы. Тогда, чтобы не ошибиться, диктуешь свои условия. Так что можно считать, мне повезло со временем, от которого можно было отстать и которое можно было опередить — безразлично.

— Кажется, вы опередили его?

— Это теперь так кажется. А было время, многим казалось, что отстал.

— Мы вернемся немного в прошлое? Хотя бы в 1962 год.

— Тогда я начал заниматься эстрадным пением. Была эпоха рок-н-ролла. Молодежь восхищалась им, буквально сходила с ума. Пели только по-английски и по-итальянски.

— И вы?

— Мало. Почти нет. Я начал писать свои песни, пел народные — русские, украинские, восточные, южно-американские.

— И были инициатором движения «Польская молодежь поет польские песни»?

— Именно потому, что считал забытым на эстраде польский язык не менее мелодичным, чем английский. И, наверное, не случайно считал, если это движение нашло большую поддержку. Выступал я тогда с большим ансамблем «Сине-черные», потом создал свой, в котором доминирует один солист, а три музыканта лишь аккомпанируют ему.

— Как вы сейчас строите программу?

— В ней неизменно звучит поэзия Циприана Норвида. По-прежнему много фольклора. В моей собственной музыке он, быть может, не так явно зарисован, но элементы, конечно же, есть. Я уже говорил, что источником размышления стала для меня поэзия. Но я не считаю, что музыка должна представлять с поэзией одно целое, только хочу сделать так, чтобы одно не мешало другому. Фольклор подарил мне напевность, некоторую даже «пейзажность» мелодий. Включаю в свои произведения славянские, восточные элементы. Не могу обойтись без блюза. А ритмы — где ж их еще черпать, если не в исконных афрокубинских ритмах или более сложных, восточных? Музыка вообще — область неисчерпаемая. Если в ней по-настоящему работать. Моя программа не случайно почти целиком состоит из Норвида, который восхищался народным трудом. Самый великий поэт — народ. Поэт с нагруженными руками. А музыкант поет пламенным

языком народа. В этом я — единомышленник Циприана Норвида.

— И все же вы собираетесь уйти с эстрады?

— Если честно, я устал. И теперь уже раздражает то, на что прежде не обращал внимания: плохая организация концерта, непригодный для выступления зал. Работать на эстраде трудно, и если сам ты при этом не получаешь полного удовлетворения, лучше уйти. Кроме того, появились другие перспективы.

— Какие же, если не секрет?

— Во-первых, студийная работа. Буду записывать пластинки. Музыканту это необходимо. И еще — собираюсь работать для театра. Уже записал на пленку музыкальные иллюстрации к нескольким драматическим постановкам, в том числе к драме Островского «Гроза». Меня сейчас очень интересует музыка в театре. Мне кажется, сейчас она должна быть сложнее, более многоплановой, с ярко выраженной тематикой. Ей суждено стать сродни музыке к кинофильмам. Совсем недавно Адам Ханушкевич предложил мне написать музыку к постановке третьей части поэмы Мицкевича «Дзяды» в театре Народовом. Думаю приступить к этой работе в начале следующего года, и теперь весь в мыслях о ней.

— Уже живете «музыкальной сценотрафией»?

— И да, и нет. Конечно, о будущем надо думать. Но мое настоящее — эстрада. Значит, пока живу ею. Сегодняшним концертом в Таллине. И завтрашним — в Риге. Впереди — Вильнюс, Минск, Гродно, Брест, где меня ждет зритель. И я живу этими встречами.

— Вы впервые на гастролях в нашей стране?

— Да. И, опережая ваш вопрос скажу, что доволен тем, как публика меня принимает. Чувствую, что она ждала не того, с чем встретилась на моих концертах. Но, обманувшись в ожиданиях, не обманулась в доверии и, напротив, прониклась им.

* * *

Наш разговор закончился. Он сдержанно поклонился и ушел. Вернулся на сцену, к своему органу. Грустный инструмент ждал грустного человека. Ждал, чтобы поработать с ним о музыке и о вечности. А я вспоминала, как Чеслав Немен сказал:

— Некоторые спрашивают, можно ли считать мою музыку развлекательной? И я всегда отвечаю: «Если размышление для вас развлечение, то, пожалуйста, считайте».

Элла АГРАНОВСКАЯ.

